

В. Э. СМИРНОВ,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ЕЩЕ РАЗ О КЛАССАХ И КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ

Рассматриваются возможности теоретико-методологического использования классовой теории К. Маркса в анализе проблемы социальных изменений; дается критический анализ некоторых аспектов, подчеркивается эвристический потенциал основных ее положений. Критически осмысливается положение о передовой роли пролетариата как субъекта социальных изменений в современных условиях.

Ключевые слова: классовая теория, социальные изменения, марксизм, пролетариат, борьба классов, передовой класс, теория стратификации, креативный класс, когнитариат.

В последнее время стало нормой рассматривать проблемы социальных изменений, инноваций, модернизации и развития вообще с точки зрения немарксистских теорий, акцентирующих эволюционные и реформистские процессы. Как правило, субъектом этих изменений предполагаются властные структуры или, в крайнем случае, общественные организации – так называемое «гражданское общество». Напротив, теории классовой борьбы, революционных изменений, классовых интересов как основы социальных изменений по большому счету игнорируются, а если и упоминаются, то скорее в историко-научном плане как неактуальный и отработанный материал, заслуживающий место в архиве культурных артефактов. Всевозможные теории, вроде популярной сегодня теории устойчивого развития, с вульгарных позиций критикующие гегелевскую и марксову диалектику, обосновывают свои идеи на уверенности в том, что активность революционного, по К. Марксу, класса – пролетариата, очевидным образом снижается.

Однако, думается, что с отправлением марксовой теории развития общества в архив научное сообщество слишком поторопилось. Это касается, в частности, и теории классов как социальных сил, взаимоотношения которых определяют процессы общественного развития, и теории революций как способа (механизма) социальных изменений. В данной статье я попытаюсь показать в рамках марксистской парадигмы, что эвристический и методологический потенциал теории классовой борьбы и теории социальных революций далеко не исчерпан.

Учение о классовой борьбе в марксизме еще недавно было общеизвестным. Однако сегодня оно не столь очевидно, мало того, интерпретируется в демагогических вариациях, поэтому для прояснения основные его принци-

пы имеет смысл повторить. Суть в том, что, согласно К. Марксу, общество социально-экономической формации делится на классы, в первую очередь на два основных класса, противостоящих друг другу. Развитие социально-экономической формации проходит через ряд способов производства (рабовладельческий, феодальный, буржуазный). Каждый из этих способов производства отличается собственной парой противостоящих классов: рабов и рабовладельцев, феодалов и крестьян, буржуазии и пролетариата. Интересы этих классов антагонистичны, т. е. их интересы взаимоисключающие, противоположные. Согласно Марксу, вся история экономической формации есть история борьбы классов: «...всякая историческая борьба – совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области – в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена» [1].

Эта борьба в конечном счете всегда приводит к краху старого способа производства и установлению нового: «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» [2]. Классовая борьба, по Марксу, есть проявление основного противоречия экономической формации, а именно противоречия между постоянно развивающимися производительными силами и, соответственно, постоянно устаревающими производственными отношениями. При капитализме основными классами являются буржуазия и пролетариат. Их борьба подталкивает сначала развитие, а затем и кризис капитализма, в результате чего совершается социальная революция, а совершается она пролетариатом, который есть передовой класс. Все вроде бы ясно и понятно. Однако при ближайшем рассмотрении в этой модели можно выявить немало проблем и оснований для критики. С одной стороны, как мы знаем из истории, с развитием производительных сил в рамках конкретного способа производства классовая борьба нарастала. Если, например, говорить о феодализме, крупные крестьянские восстания совершались, как правило, в период разложения феодальных отношений, но крестьяне требовали вовсе не ликвидации таких отношений как таковых, а наоборот, возвращения к отношениям классического феодализма. Дело в том, что все обязанности, платежи и т. д. крестьянства по отношению к феодалам регулировались не волюнтаристской волей феодала, а обычным правом, т. е. обычаями, как правило, записанными. Во Франции такие правовые документы назывались кутюмами. Все строго определено и зафиксировано, каждый день или пенни, который виллан отдает господину, он отдает в соот-

ветствии с зафиксированной в кутюмах нормой. Нельзя сказать, что все эти повинности легки, вовсе нет. Крестьяне вели тяжелую жизнь, трудились от зари до зари, однако они были привычны и не чрезмерно тяжелы – вспомнить хотя бы громадное количество христианских праздников и выходных. Столетие за столетием крестьянин нес все те же повинности, и вся его классовая борьба заключалась в песнях о местном Робин Гуде. Но проходит время, производительные силы развиваются, растут города, денежный обмен, появляется протобуржуазия, и вся система начинает шататься. Феодал уже не может жить на закрепленные обычаями платежи (ведь даже деньги меняют свою стоимость), пытается собирать больше и иначе. Он бы и рад это делать по-старому, да не выходит. Существуют замечательные исследования, например для Франции XII–XIII вв., демонстрирующие, как нищают мелкие феодалы, как они уже не могут существовать со своего лена и вынуждены служить королю (или иному крупному сеньору) сверх обязательных феодальных обязанностей за дополнительную оплату (С. Амальви, А. Кабантус, Б. Руссель и др.). Одновременно начинаются крестьянские бунты, но опять же, крестьян возмущает не эксплуатация как таковая, а нарушение обычая. Зачастую повышение платежей в денежной форме, на котором настаивал феодал, вовсе не было усилением эксплуатации. Просто те 4 денье, который крестьянин платил 100 лет назад, сегодня были равны 20 денье. Но попробуй объяснить крестьянам механизм инфляции? Впрочем, как правило, хуже становилось и тем и другим, и феодалам и крестьянам.

Итак, все соответствует марксовской схеме, а именно, производительные силы развиваются, их противоречие с отношениями (феодальными) обостряется – классовая борьба крестьян и феодалов усиливается. Но к чему приводит эта борьба? Может быть, она сокрушает феодализм? Может быть, крестьяне уничтожают феодальные отношения и, являясь передовым для того времени классом, утверждают новое, буржуазное общество? Вовсе нет! Феодализм гибнет совсем в другой борьбе, с совсем другим классом, а крестьяне в принципе не могут утвердить буржуазный строй, ибо на самом деле сражаются против него, сражаются за феодализм в его неизменных, традиционных формах. Они стоят за католицизм (с его традиционным, отражающим феодальные отношения мировоззрением) против протестантов – ранних буржуа-горожан. Неудивительно, что и после победы буржуазии, после того, как сами феодалы частично изгнаны и убиты, а частично обуржуазились и слились с верхушкой нового господствующего класса, Вандея еще сражается. Крестьяне остаются последними бойцами за феодализм.

Таким образом, можно утверждать, что если брать классовую борьбу двух антагонистических классов, определяющих способ производства, то среди них нет никакого передового класса. Их борьба редко приводит к крушению старого строя и уж ни в коем случае не может привести к построению строя нового. Эти классы находятся в состоянии не только и не столько борьбы,

сколько единства. Жесткого, бескомпромиссного антагонизма между ними нет. На самом деле бескомпромиссной, решающей для истории борьбой является борьба старых классов общества с нарождающимися новыми классами. Эти новые классы живут и трудятся по правилам новой, пока еще локальной системы социальных институтов. Долгое время эта система только вырабатывается, как вырабатываются нормы и ценности, на которых эти институты должны базироваться. И главное, эти институты, эти нормы и ценности решительно, в полном смысле антагонистически противостоят институтам, нормам и ценностям феодального общества, до поры до времени спрятавшись в андеграунде.

Этот новый класс рождается в процессе освоения новых практик, способов деятельности, не предусмотренных или даже не легитимных в рамках устоявшейся системы социальных отношений. Однако свою легитимацию эти новые социальные практики и способы деятельности находят в новых мировоззренческих и религиозных системах, в новых идеологиях. И это в то время, когда ухудшение положения старых классов приводит к обветшанию, проблематизации идейной надстройки, в рамках которой они существовали.

Так основное противоречие эпохи выливается в борьбу идей – это первое и, возможно, важнейшее проявление классовой борьбы. В данном случае мы рассуждаем на базе материала средневековой истории. Однако схема взаимоотношения классов, классовой борьбы и социальной революции должна «работать» независимо от того, какой способ производства экономической формации мы рассматриваем. Если мы не находим передового класса в паре феодалы/крестьяне, то почему же станем искать передовой класс в паре капиталисты/пролетариат? Логика Маркса, когда он говорит об обострении противоречий между производительными силами и производственными отношениями, вроде бы проста и понятна. Однако сам процесс зарождения буржуазных отношений и классов новой, буржуазной эпохи, по моему мнению, описан мыслителем не то, чтобы неточно, но в границах данных исторической науки его времени. Во-первых, Маркс, описывая процесс «первоначального накопления капитала», берет примеры из английской истории. «В истории первоначального накопления эпоху составляют перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса. Ее история в различных странах имеет различную окраску, проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии, которую мы, поэтому, и берем в качестве примера», – пишет он [3]. Но можно ли считать генезис капиталистических отношений в Англии классической формой, не говоря о том, что

сама история английских огораживаний сегодня историками ставится под сомнение? (Victor H. T. Skipp, E. M. Leonard, W. G. Hoskins, David Hey, R. A. Butlin и др.). Впрочем, если даже огораживания происходили несколько не так, как представлялось во времена Маркса, принципиальные изменения в сельской экономике все равно происходили. Дж. Тревельян пишет: «Причина бедствий лежала глубже, в нарастающих страданиях, которыми сопровождаются исторические перемены. Общество переходило от системы широкого распределения земли среди крестьян при низкой ренте, установившейся во времена недостатка рабочих рук в XIV и XV веках, к постепенному отмиранию крестьянских держаний и к их укрупнению в большие (капиталистические) фермы с высокой арендной платой» [4]. Но вот в чем дело! Такие «капиталистические» фермы являлись капиталистическими лишь условно. О капитализме можно говорить тогда, когда капиталистические отношения проникают во все сферы общественного производства. В истории человечества мы неоднократно можем встретить такие отдельные «капиталистические» явления. Но они так и оставались единичными феноменами, не выстраиваясь во всеобъемлющую систему. Такие «капиталистические» явления в сельском хозяйстве мы можем наблюдать во Франции на два столетия раньше, где крепостная зависимость исчезла раньше, чем в Англии, но в промышленную революцию они не вылились, а закончились кровавым восстанием Жаков [5]. Но что же нужно было, чтобы капиталистические отношения проникли во все сферы общества, не только в сельскохозяйственную и торговую, но и банковскую сферу, сферу финансового оборота и промышленного производства? Мне могут возразить, что, например, банковская сфера была весьма развита и до того. Итальянские дома регулярно финансировали королей, баронов и даже крестьян, да и сам Папа не брезговал подобными финансовыми операциями. Однако на самом деле это была вовсе не капиталистическая, а феодальная банковская система, и оставалась такой вплоть до банковской революции. Суть банковской революции была в следующем. Средневековая банковская система была ростовщической (как, кстати, и древнеримская). То есть, нельзя было взять в банке денег, заниматься нормальной деятельностью в сельском хозяйстве или промышленности, получить прибыль не ниже средней нормы, и рассчитаться с банком, положив в карман какой-то доход. Эта банковская система в принципе не финансировала нормальную экономику напрямую. Банковские проценты пожирала не только весь прибавочный, но и часть необходимого продукта. Банки финансировали либо феодалов-землевладельцев (и таким образом косвенно экономику – феодалы покупали предметы роскоши, платили деньги своим людям, которые, в свою очередь, покупали предметы ремесленного производства), либо финансировали сверхприбыльные виды деятельности, как то левантийскую торговлю, работоторговлю, американские экспедиции и т. д. Конечно, брали такие ссуды и небогатые люди, но не в капиталистических целях для расширения производства, а в безвыходных обстоятельствах.

Ставки доходили до 200 % в некоторых городах Германии. В Англии в начале периода «первоначального накопления капитала» ставка была тоже весьма высока, с большим разбросом по местностям. Высокая ставка и разброс (иногда 2 раза) говорят о том, что никакой связи со средней нормой прибыли не было. Карл VIII французский оплачивал своим генуэзским кредиторам от 45 % до 100 % по разным траншам, когда взял деньги на свою итальянскую кампанию. Зачастую феодальные владыки рассчитывались не деньгами, а предоставлением монополий, прав взимания налогов и т. п. Законодательные попытки ограничить процент были, в том числе и в самой Италии. Но это было либо в форме городской повинности для своих банкиров (во Флоренции), либо что-то вроде касс взаимопомощи горожан. И только потом, с изменением стоимости драгоценных металлов, инфляцией и ценовой революцией, снижением нормы прибыли в «сверхприбыльных» сферах, легализацией банковской деятельности и ростом промышленности постепенно кредитный процент привязывается к норме прибыли, становится относительно стабильным. Только тогда банковская деятельность становится капиталистической – делается инструментом финансирования реальной экономики. Но это было достаточно поздно. Д. Норт еще в конце XVI в. писал об Англии: «В нашей стране деньги, отдаваемые под проценты, гораздо менее чем в десятой своей части идут в руки предпринимателей... они сужаются, главным образом, для покупки предметов роскоши, выдаются на расходы людям, которые хотя и являются крупными землевладельцами, но тратят их гораздо быстрее, чем приносит им их землевладение...» (цит. по: [6]).

Однако вернемся к вопросу о том, что же нужно было для того, чтобы капиталистические отношения охватили все общественное производство? По моему мнению, должен был появиться некий новый класс, вернее даже не класс пока, а, для начала, консорция людей, обладающих новым, капиталистическим этосом, своей локальной системой ценностей, моральных норм, вступающих в отношения, как минимум, друг с другом в рамках новых, самоорганизующихся в процессе развития социальных институтов. Эта группа должна быть сравнительно влиятельной, чтобы иметь возможность распространять и навязывать свой этос, свои практики и нормы отношений. Маркс, когда начинает рассуждать о первоначальном накоплении в Англии, говоря только об условиях, при которых стали возможны изменения (по его мнению, огораживание), пишет о том, что «Старую феодальную знать поглотили великие феодальные войны, а новая была детищем своего времени, для которого деньги являлись силой всех сил» [7]. То есть, еще до всякого огораживания, до значимых перемен в сельском хозяйстве появилась некая новая знать, не ориентирующаяся на феодальные ценности, для которой «деньги являлись силой всех сил». Однако в данном контексте трудно согласиться и с мнением М. Вебера насчет протестантской этики как основы и причины развития капитализма, ибо протестантизм сложился куда позже, чем появилась эта но-

вая генерация людей. Протестантизм был не источником капиталистического этоса, а лишь его «кодификацией» в религиозной форме. Протестантизм явился и оформился тогда, когда сам этос, практики, нормы и ценности его уже получили развитие. Так что же это за люди? Наверное, трудно будет как-то строго отнести их к конкретной социальной группе. Современники полагали, что этот новый класс (NovusOrdo) – ростовщики, и они управляют остальными тремя. А в английской проповеди XIV в. провозглашалось, что Бог создал клириков, дворян и крестьян, дьявол же – бюргеров и ростовщиков (Ле Гофф). Но я не стал бы сводить дело только к ростовщикам. В XIV–XV вв. обнаружился явный кризис средневекового мироустройства, чему послужили и экономические изменения (не имеющие пока отношения к наступлению капитализма, а вызванные скорее мальтузианской ловушкой, в которую попала Европа), войны, вроде Столетней войны, похоронившие классическую, феодальную рыцарскую доблесть, эпидемии, потрясшие традиционное религиозное мировоззрение средневекового человека. Все это привело к развитию аномии (аномия – это состояние общества, при котором наступают разложение, дезинтеграция и распад системы ценностей и норм, гарантирующих общественный порядок) в позднесредневековом обществе. Люди, павшие жертвами этого «социального заболевания», игнорируют в своей деятельности традиционные нормы морали, установившиеся легитимные роли, стремясь к повышению своего социального статуса любыми путями. Конечно, большинство таких граждан кончили свои дни на виселице и под топором палача, но достаточная генерация их в условиях социальных и экономических изменений избрали весьма эффективные жизненные стратегии, занявшись деятельностью пограничной, необычной, даже запретной, но выжила и преуспела. Хочу сказать, что такие люди появляются в любой ситуации кризиса мироустройства. Они появились «осенью» античного мира. Другое дело, что эффективные стратегии, благодаря которым NovusOrdo своего времени добивались успеха, определялись новым уровнем развития общества и, конкретно, уровнем развития производительных сил. В поздней античности бонусы давали отказ от полисных принципов, освоение новых отношений зависимости, в общем, то, что еще в рамках римской империи привело к образованию протофеодальных отношений и институтов. Таким образом, я все же, вслед за Марксом, во главу угла ставлю развитие производительных сил, а не чудесное изобретение новых ценностей и норм, как это делает Вебер.

Весь этот разговор о рождении капиталистических отношений вызывает интерес сам по себе, но я в первую очередь хотел показать следующие вещи:

1. Классовая борьба в наиболее распространенном смысле, а именно борьба главных, противостоящих классов конкретного способа производства во все не приводит к изменению способа производства, к социальной революции, хотя, конечно, расшатывает существующий строй и обостряется тем более, чем более напряженным становится несоответствие уровня развития производительных сил существующим производственным отношениям.

2. Развитие производительных сил находит свое выражение в появлении нового класса, который выстраивает новые, соответствующие этому новому уровню развития производительных сил отношения сначала локально.

3. К социальной революции приводит борьба нового класса, выражающего отношения нового способа производства, со старыми классами уходящего способа производства.

4. Суть борьбы нового класса со старыми заключается в желании нового класса распространить свои, существующие локально институты, ценности, нормы на все общество, чему старые классы ожесточенно сопротивляются.

5. Эти существующие локально социальные институты, практики, ценности и нормы выстраиваются и осознаются постепенно, в андеграунде, пока в определенный момент не кодифицируются в виде религии, философской или мировоззренческой системы. Тогда они вступают в прямую борьбу с институтами, ценностями и нормами старого строя.

Таким образом, экстраполируя данные выводы уже на капитализм, можно сказать, что пролетариат не является и не может являться передовым классом, а классовая борьба пролетариата с буржуазией не приводит к социальной революции. Передовой, на самом деле, должна являться некая новая общность, некий новый класс, в своем этосе, формах деятельности, локально организованных институционализированных способах взаимодействий отражающий новые, передовые формы общественного производства и форм труда. Нужно заметить, что западная социология, не скованная марксистской убежденностью в передовой роли пролетариата, весь XX век занималась поисками такого класса. Это и офисно-служаший класс Ч. Миллса, класс менеджеров Дж. Бернхемма, инженеров Д. Гэлбрейта. У Д. Белла и Э. Тоффлера акцент смещается на ученых, а А. Гоулднер разделил их на технарей и гуманитариев, представив два языка, два типа мировоззрения и две субкультуры. Сравнительно недавно Р. Флорида заявил о креативном классе, куда, словами Питера Маркузе, попали «мозольный оператор, счетовод, биржевой спекулянт, журналист, адвокат, коммивояжер и менеджер. А спортсменов, инженеров, художников и обществоведов можно даже назвать элитой креативного класса» [8].

На мой взгляд, проблема западной немарксистской социологии в том, что, не имея с одной стороны ограничений, накладываемых марксистской ортодоксией, они одновременно отказываются от когнитивных инструментов, предлагаемых марксизмом. В результате критерии, согласно которым они пытаются выявить новый класс, зачастую поверхностны, случайны и вторичны, а выводы и вовсе нелепы. Проблема в том, что, не опираясь на марксистский анализ труда (конкретного, абстрактного и всеобщего), западные социологи замечают только внешние признаки принадлежности к тем или иным профессиональным группам, вынуждены выдумывать толком неопределяемые понятия, вроде понятия «креативность». А хуже всего то, что им приходится искать место своему «новому классу», не выходя за рамки принципов

современного капиталистического общества. Этот набор условий, в рамках которых позволено прожектерствовать либеральному интеллектуалу, как подчеркнул Ф. Фукуяма, строится по принципу «вы можете рассуждать о любом будущем, при условии, что оно будет капиталистическим и либерально-демократическим» [9].

Напоследок хочу вернуться к пролетариату. Неужели пролетариат в эпоху кризиса капитализма становится таким же реакционным классом, каким крестьянство было во времена кризиса феодализма? Наверное, все же нет. Маркс в своем анализе подметил одно важнейшее качество пролетариата (собственно это качество и стало для него одним из оснований объявить пролетариат передовым классом), а именно то, что «пролетариату нечего терять, кроме своих цепей». Вульгарные критики марксизма зачастую не понимают, о чем идет речь, и указывают на то, что у современного рабочего на Западе есть и автомобиль, и необходимые для комфорта вещи, и высокая зарплата. У Маркса речь шла, конечно, не о личных вещах рабочего, а о собственности на средства производства. Тот же средневековый крестьянин, несмотря на всю его нищету, имел, пускай на правах условного владения, свой участок земли, свои орудия труда. В этом смысле он был, хоть и частичным, но хозяином условий и продуктов своего труда. Социальные институты феодального общества, хотя и закрепляли положение крестьянства как эксплуатируемого, низшего сословия, одновременно защищали его право на его клочок земли, на право пользования общинными угодьями, гарантировали определенную стабильность нормы эксплуатации. Именно поэтому крестьянство готово было защищать эти феодальные институты – ему было что терять. Вот именно в этом смысле пролетариату терять нечего. Ему не принадлежат ни средства производства, ни условия труда, ни его продукты. Впрочем, есть и другое мнение. Оно заключается в том, что пролетариат все же не хочет потерять гарантий того, что при капитализме его труд, хоть и в отчужденной форме (а это все, что он может предложить), но будет в общем востребован. И в этом смысле может выступить как реакционный класс (уже выступал в позднем СССР). Однако лично я полагаю, что при капитализме таких гарантий у рабочего нет и не было, о чем советский рабочий забыл. Поэтому пролетариат, сам не являясь прогрессивным классом, может быть союзником такого класса.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Социальные изменения происходят эволюционным и революционным путем. Если эволюционный путь можно описать с точки зрения стратификационных теорий, или теорий взаимодействия власти и общества, самоорганизующихся гражданских групп, то революционный путь может быть рассмотрен с точки зрения теории классов и классовой борьбы.

2. Однако классовая борьба происходит в более сложных, неоднозначных формах, чем это представлялось Марксу. Основное противоречие экономической формации заключается в противоречии между развивающимися производительными силами, меняющимися условиями существования социума

и консервативной, не склонной к изменениям (чему способствует интерес правящих классов) системой социальных отношений, закрепленных в системе социальных институтов. Классовая борьба основных общественных классов есть лишь одно из следствий углубления и обострения основного противоречия. И сама по себе она не может привести к смене социального устройства. Классовая борьба основных общественных классов лишь расшатывает социальную систему. Она есть не более чем следствие ухудшения положения основных классов в ситуации изменения экономических условий, в которых они существуют. Значимыми следствиями таких изменений и ухудшения условий жизни основных классов является, в частности, подрыв легитимности, авторитета существующих социальных форм и, соответственно, идей, мировоззренческих систем и идеологий, обосновывающих эти формы. Кроме того, все эти факторы приводят к тому, что появляется генерация людей, выпавших из теряющих устойчивость и определенность социальных структур. Эти люди, осваивая новые способы деятельности, не предусмотренные или даже не легитимные в рамках устоявшейся системы социальных отношений, становятся основой для формирования нового класса. Именно противоречие между этим новым классом, олицетворяющим развивающиеся производительные силы, и старыми классами, пытающимися сохранить застойные общественные отношения, и есть проявление основного противоречия эпохи.

3. В свете вышесказанного надежды современных защитников буржуазного порядка, основанные на марксистских представлениях о революционности рабочего класса, при наблюдаемом фактическом угасании этой революционности, на то, что классовая борьба осталась в прошлом, есть не более чем наивные мечты. Основная классовая борьба должна развернуться и развернется между новым классом, олицетворяющим принципиально новые способы экономической деятельности, и старыми классами, существующими в старой, отсталой системе социальных отношений. Так что основные классовые битвы еще впереди.

Литература

1. Маркс, К., Энгельс, Ф. // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 21. – С. 259.
2. Маркс, К., Энгельс, Ф. // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 4. – С. 424.
3. Маркс, К., Энгельс, Ф. // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – С. 728.
4. Тревельян, Дж. М. Социальная история Англии / Дж. М. Тревельян. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – С. 211.
5. Фавье, Ж. Столетняя война / Ж. Фавье; пер. с фр. М. Ю. Некрасова. – СПб.: Евразия, 2009. – 656 с.
6. Гольцберг, М. А. Кредитование / М. А. Гольцберг, Л. М. Хасан Бек; пер. с англ. – Киев, ВНУ, 2004. – 384 с.
7. Маркс, К., Энгельс, Ф. // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – С. 730.

8. Маркузе, П. Теория «креативных» – «мода на новизну любой ценой!» / Питер Маркузе // TerraAmerica [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://terra-america.ru/teoriya-kreativnih-moda-na-noviznu-luboi-cenoi.aspx>. – Дата доступа: 16.05.2013.

9. Фукуяма, Ф. Будущее истории / Френсис Фукуяма // Worldcrisis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/948519>. – Дата доступа: 11.11.2013.

V. E. SMIRNOV

ONCE AGAIN ON THE CLASSES AND CLASS STRUGGLE

Summary

Possibilities of theoretical-methodological use of Marx's class theory in the analysis of problems of social changes are considered; a critical analysis of some aspects is given, the heuristic potential of its basic provisions is emphasized. The position of the leadership of the proletariat as a subject of social change in modern conditions is critically comprehended.

Keywords: class theory, social changes, Marxism, proletariat, class struggle, advanced class, theory of stratification, creative class, cognitariat.

Поступила 04.12.2013 г.